

Андрей Курейчик

a_kurei@mail.ru

НАСТОЯЩИЕ

В пьесе действуют девять человек: ОН, ОНА, АННА ЭДУАРДОВНА, ИНГА ЭДУАРДОВНА, СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, ВОЕНКОМ, УЧАСТКОВЫЙ, ЧИНОВНИК, ДОКТОР.

АКТ 1.

I.

ОН. Когда ты в последний раз спала со свиньёй?

ОНА. Что?

ОН. Я спросил, когда ты в последний раз спала со свиньёй?

ОНА. Идиотский вопрос.

ОН. Ставит в тупик?

ОНА. Нет.

ОН. Не можешь вспомнить?

ОНА. Боже мой...

ОН. Он вызывает в тебе религиозные ассоциации?

ОНА. Он не вызывает во мне никаких ассоциаций.

ОН. Это тест. Он позволяет узнать правду о людях. Я сам придумал. Я бы задавал этот вопрос всем и везде. Представляешь, приходишь куда-нибудь на вокзал, купить билет, а тебе из окошка: «Когда вы в последний раз спали со свиньёй?». Или в парламенте депутат предлагает закон, а ему: «Расскажите наконец стране, когда вы в последний раз спали со свиньёй?».

ОНА. Не будет этого.

ОН. Мир изменился.

ОНА. Ты это о чём?

ОН. Я вчера смотрел «Дискавери»: там показывали женщину, у которой была опухоль весом 90 килограммов.

ОНА. Где?

ОН. На животе.

ОНА. И что?

ОН. Ты представляешь, девяносто килограммов! Её удаляли четырнадцать часов.

ОНА. Фу, гадость...

ОН. Девяносто килограммов неизвестно чего. И тогда я подумал...

ОНА. Что?

ОН. Что мир изменился.

ОНА. Ты сам не свой. Что тебя беспокоит?

ОН. Тебе честно сказать?

ОНА. Честно.

ОН. Проблема расизма.

ОНА. Что?

ОН. Расизм. А ещё ухудшение экологического баланса и уничтожение тропических жаб.

ОНА. Ты слишком много смотришь «Дискавери».

ОН. В жизни так мало любви.

ОНА. Тебе мало меня?

ОН. При чем здесь ты?

ОНА. Не знаю, что мне делать, что лучше одеть: сарафан или платье. Посмотри...

ОН. Я бы одел сарафан.

ОНА. Я тоже.

ОН. Меня это не удивляет.

ОНА. А что тебя удивляет?

ОН. Меня удивляет, каким образом умудряются делать тончайшие нити, на которых летает Дэвид Коперфильд.

ОНА. Я думала, это магниты.

ОН. Это нити.

ОНА. Но он пролетал через обруч.

ОН. Обман зрения.

ОНА. Так, мне нравится сарафан. Он лёгкий и в нём я чувствую себя свободно. Только на сарафане пятно, маленькое пятнышко.

ОН. Где?

ОНА. Здесь. Йогурт.

ОН. Мы не покупаем йогурты.

ОНА. Похоже на йогурт.

ОН. Ты покраснела.

ОНА. Я не покраснела.

ОН. Почему ты покраснела? (*Пауза*).

ОНА. Одну платье.

ОН. Тебе ведь не нравится платье. Оно топорное. Ты в нём выглядишь как старый синий чулок. Ты хотела надеть сарафан...

ОНА. Ничего не поделаешь.

ОН. Брось... (*Хватает платье*).

ОНА. Отдай! Отдай моё платье!

ОН. На свои похороны оденешь.

ОНА. Ты не можешь у меня отбирать мои вещи!

ОН. Стань на колени и поцелуй мне ступню, тогда отдам.

ОНА. Дурак.

ОН. И вообще, не надо тебе ни платьев, ни сарафанов... Это всё проявления инфантильности.

ОНА. Посмотри, ещё в шестнадцать лет у меня была грудь совсем маленькая. Думала, вырасту, буду плоская, как доска. А теперь... Нравится?

ОН. Нравится.

ОНА. Всем нравится.

ОН. Тогда замри и не шевелись. Галатhea...

II.

ОНА. Время нельзя остановить.

ОН. Это упадничество.

ОНА. Они всё равно придут.

ОН. Забыл, как зовут твою мать?

ОНА. Анна Эдуардовна.

ОН. А отца?

ОНА. Сергей Михайлович.

ОН. А эту... Тётю.

ОНА. Инга Эдуардовна. Как ты можешь забывать такие вещи?

ОН. Когда-нибудь я забуду всё и всех.

ОНА. И меня?

ОН. Нет, тебя – нет. Ты будешь единственное моё воспоминание: золотая бабочка на белом листе.

ОНА. Прошу тебя, не забудь ничего, хотя бы в этот вечер.

ОН. Сколько хлама хранится в наших головах.

ОНА. Не грызи ногти.

ОН. Я даже помню, что Норманны вторглись в Англию в 1066 году и разбили саксов при Гастингсе. Зачем? Кому надо эти знания? А самых очевидных вещей иногда не знаешь.

ОНА. В образованности нет ничего плохого.

ОН. В 1066 году. Подумать только... Чего они туда поперлись?

ОНА. Кто?

ОН. Норманны.

ОНА. Туризм?

ОН. Интересная теория. Эпоха великих переселений, как торжество туристической индустрии. Фирма «Атилла» и туристическая компания «Крестовый поход». Горящие туры в Турцию. Полупансион...

ОНА. Не отвлекайся от темы. У нас сегодня званый ужин с моими родичами.

ОН. Я же и говорю – гунны.

ОНА. Послушай, все проходят через это. Если ты приглядишься внимательно, то обнаружишь, что вокруг буквально кишат странные создания с четырьмя конечностями и шарообразным наростом наверху – это люди, и нам придётся иметь с ними дело.

ОН. Потому что у нас тоже шаровидные наросты?

ОНА. Вот именно.

ОН. Шаровидные наросты – чудесно.

ОНА. У кого чудесно, а у кого и не очень. Мне нужно подстричься короче. Вот так... Или нет... Чего ты молчишь?

ОН. Нарост заело.

ОНА. Ты что-то задумал. Я же вижу... Меня не проведёшь, я же вижу, когда у тебя появляется это нелепое чувство юмора, значит....

ОН. Значит?

ОНА. Не знаю, что это значит. Но ты что-то задумал. Ладно, одеваю платье.

ОН. Сарафан.

ОНА. Я не могу одеть сарафан.

ОН. Но он же тебе нравится.

ОНА. Мне нравится, но на нём пятно...

ОН. От йогурта.

ОНА. Не важно.

ОН. Вкусный был йогурт?

ОНА. Пошляк!

ОН. Я? Почему?

ОНА. Потому что... Потому что... В общем не важно почему.

ОН. Нет, ты объясни.

ОНА. Потому!

ОН. Просто и доходчиво. То есть ты хочешь сказать, что делать некоторые вещи – это одно, а говорить о них – совсем другое.

ОНА. Не уверена.

ОН. Или даже не так: делать такие вещи можно, но при условии, что ты делаешь вид, что такие вещи никогда не делала и даже не представляешь себе, что это такое и что такое вообще существует на белом свете.

ОНА. И теперь не уверена.

ОН. Знаешь, как это называется?

ОНА. Мораль?

ОН. Лицемерие.

ОНА. Я не лицемерка.

ОН. Бла-бла-бла, бла-бла-бла...

ОНА. Я кто угодно: тупица, уродка, извращенка, девушка, которая слушает группу «Тату» -- кто угодно, только не лицемерка.

ОН. Бла-бла-бла, бла-бла-бла.

ОНА. Никто никогда не мог обвинить меня в лицемерии. Я одену сарафан, хотя тебе будет стыдно, что твоя жена неопрятная. Хорошо, что пятно...

ОН. От йогурта.

ОНА. Находится в таком месте, что трудно догадаться... Или не очень?

ОН. Не трудно...

ОНА. Но могут возникнуть разные предположения.

ОН. Не думаю. Но в любом случае, я бы снабдил его поясняющей запиской, ведь это свидетельство моей любви к тебе.

ОНА. Меня.

ОН. Лицемерие – это пятно от йогурта. Подумай сама, это же так просто... «Что у вас на платье? – Всего лишь пятно от йогурта. – А ну тогда прекрасно. А то я думал, это любовь. Или обойный клей, потому что вы несколько дней одна переклевали обои, потому что вас достало жить в серой, уродливой конуре, где с ума можно сойти от одиночества. – Нет, нет – это пятно от йогурта». Или: «Мне кажется, ваш сын дегенерат, у него слюни капаят на рубашку. – Нет, нет, что вы – это просто пятно от йогурта». «Неужели вы художник, и рисуете шизофренические миры, где люди похожи на ящериц и котов. – Нет, это не краска – это пятно от йогурта». «Вы онанируете ночью, потому что ваша жена уродина, а вам нравятся тринадцатилетние девки? – Да бог с вами, это пятно из-под йогурта». «Вы убили человека, у вас руки по локоть в крови? – Что вы, я просто ел йогурт. – Ах, вы ели йогурт, ну тогда конечно, конечно... Тогда никаких проблем. Конечно...»

ОНА. А что делать?

ОН. Ходить в сарафане и знать, что пятен от йогуртов не существует.

ОНА. Это какая-то порнография.

ОН. И прекрасно.

ОНА. Только аморально.

ОН. Что, смотреть порнографию или заниматься ею? Если ты всё это прекрасно делаешь сама, почему бы не посмотреть как это делают другие?

ОНА. Это могут увидеть дети.

ОН. Чудесно.

ОНА. Но... им нельзя.

ОН. Почему? Почему им можно смотреть как один человек убивает другого, как Джерри уродует Тома, а Заяц издевается над Волком, а как один человек любит другого им смотреть нельзя? Для человечества реки крови не так аморальны как одно маленькое пятнышко на сарафане. Но мы больше не должны принадлежать к этому человечеству.

ОНА. *(Она думает)*. Я хочу это посмотреть.

ОН. Имеешь полное право. *(Они смотрят порно)*. Ну как?

ОНА. Хорошая операторская работа.

ОН. Тебе показалось?

ОНА. А вот это я делаю лучше.

ОН. Я знаю.

ОНА. И груди у меня красивей.

ОН. Даже глупо сравнивать...

ОНА. А у него больше...

ОН. Размер не имеет значения. Это доказано. Точно, точно...

ОНА. И ничего страшного. Они переспали, мы посмотрели.

ОН. Возбуждились...

ОНА. Немножко...

ОН. Слегка...

ОНА. Чуть-чуть...

ОН. Поэтому, нам надо...

ОНА. Нет. Мы не животные. Кстати, по «Дискавери» буквально вчера показывали что-то подобное. Во всяком случае, романтики там было столько же. А кроме того, нам надо готовиться к приходу гостей.

ОН. Зачем?

ОНА. «Мама, папа, заходите, мы тут порнушку смотрим, присоединяйтесь. Тётя Инга марш готовить на кухню».

ОН. Я должен тебе кое в чём признаться. Со мной происходят очень важные вещи. Всё перевернулось с ног на голову. Как после ядерной войны. И я понял, что как раньше жить не получится.

ОНА. О чём ты говоришь?

ОН. О том, что ты должна прозреть вместе со мной. Помнишь, я упомянул невидимые нити, на которых летает Коперфильд. Они существуют. Они опутали всё и всех. Ты не можешь двинуться, ты, как катушка ниток. Люди перестали быть настоящими.

ОНА. Все?

ОН. Вокруг нас ни одного настоящего человека. Даже мы сами...

ОНА. Это не паранойя?

ОН. Нет, потому что ты тоже это знаешь и чувствуешь. И тебе тоже не даёт мысль, что что-то не так.

ОНА. Да...

ОН. Так вот, нам надо стать настоящими.

ОНА. Как?

ОН. Нам надо кое о чём договориться.

III.

АННА ЭДУАРДОВНА. А вот и мы! Сергей, чего ты стоишь, заходи. Ждали нас?

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Довольно странная комната.

ОНА. Привет...

АННА ЭДУАРДОВНА. А обнять маму?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Вы сделали перестановку?

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Молодёжный стиль, м-да... Племянница, держи торт, вино... На улице довольно прохладно.

АННА ЭДУАРДОВНА. Ты что, не слышала прогноза? Всё, счастье закончилось – циклон, циклон, циклон. Сергей, ну что ты ходишь с этим вином, поставь ты его уже где-нибудь. Честное слово, как ребёнок.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. А где муж?

ОНА. В туалете. Сейчас выйдет.

АННА ЭДУАРДОВНА. Нет, нет, пусть не торопится.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ну рассказывай, дочка...

ОНА. Что рассказывать?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Как тебе живётся...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. В замужестве.

АННА ЭДУАРДОВНА. Боже мой, мы тебя так редко видим. Так редко... Ты хоть скучаешь по нам? Я всё понимаю, взрослая жизнь, замужество, учёба, но ты должна знать, что мы волнуемся. Скажи, Сергей?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да.

ОН. Всем привет...

АННА ЭДУАРДОВНА. А вот и зять. Здравствуй, дорогой. А мы, так сказать, на инспекцию, на ревизию. Да и просто на чашечку чая. Ну, ребята, рассказывайте, чем живёте, чем маетесь?

ОН. Честно говоря, не очень хочется вам отвечать.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. (Озадаченно). Однако...

АННА ЭДУАРДОВНА. Проблемы?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. На работе?

ОН. Я больше не работаю.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Подожди, как... Мы же тебя туда устроили.

АННА ЭДУАРДОВНА. Почему не работаешь?

ОН. Выгнали.

АННА ЭДУАРДОВНА. Когда?

ОН. Вчера.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Почему?

ОН. Потому. Я сказал начальнику, что он тупица. Он меня выгнал.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Какая нелепость. Так дерзко... Нельзя с людьми так дерзко разговаривать.

ОН. Почему?

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Ну потому что... Нельзя.

АННА ЭДУАРДОВНА. Ладно, Инга. По-разному в жизни бывает. Иногда человек действительно глуповат. Просто надо себя трезво оценивать.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я Коровицкого за него просил. Неудобно...

АННА ЭДУАРДОВНА. Переживёт Коровицкий. А начальник сам виноват. Раз люди тебе такое в глаза говорят, значит, ты как-то их спровоцировал. Что он тебе сделал? Унизил? Оскорбил? Недоплатил?

ОН. Ничего.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Совсем?

ОН. Абсолютно.

АННА ЭДУАРДОВНА. Зачем ты тогда это?...

ОНА. Мама, кое-что изменилось...

ОН. Захотелось. Вы понимаете, мне иногда хочется говорить вещи, которые люди не очень хотят слышать. Или задавать вопросы, на которые им сложно отвечать. Вот и сейчас, например, меня очень волнует один вопрос, но я стесняюсь его вам задать...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ну что ты... Мы же свои люди. Одна семья. Если тебя что-то интересует, спрашивай.

ОН. Вы тоже так думаете?

АННА ЭДУАРДОВНА. Конечно.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. (*Тихо*). С ним что-то не то...

ОН. Вы уверены?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ну!

ОН. Скажите, мама, папа, тётя, когда вы все в последний раз спали со свиньёй? (*Пауза*).

АННА ЭДУАРДОВНА. Простите?

ОН. Понимаете, меня немного расстраивает существующее состояние человеческих отношений. Нас расстраивает. Что-то здесь есть неправильное. Вот я смотрю «Дискавери», про горилл вчера показывали – и вижу гармонию.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Может, тебе прямо к ним и надо...

ОН. У меня есть предложение получше. Вот увидите, вам понравится... (*Пауза*).

АННА ЭДУАРДОВНА. Доча, по-моему с твоим мужем что-то не так... Я боюсь.

ОНА. Ну что ты, мама. С моим мужем «всё так». И со мной тоже «всё так». Просто мы разобрались...

ОН. Вот вы, Анна Эдуардовна, всё время держали свою дочь на таком коротком поводке, что она стала похожа на болонку. Говорили ей что есть, что пить, что одевать, когда и с кем спать. Вы сказали ей, что она должна делать, должна, должна... Вы просто уничтожили в ней её настоящую, чтобы заменить вашим бредом.

АННА ЭДУАРДОВНА. Что он такое несёт. Абсурд...

ОНА. Я больше не хочу быть такой, мама... Я хочу быть настоящей.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Вы не можете говорить с нами в таком тоне. Это безобразие. И ложь!

ОНА. Как и то, что ты спишь с моей подружкой Светой и жалуешься на маму, что она долбаёт тебя своими мелкими придирками?

АННА ЭДУАРДОВНА. Сергей! Это правда?

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Боже мой... Какие дела...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Так, это переходит всякие границы!

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Вы прекратите, наконец, ваше хамство!

ОН. Про вас, Инга Эдуардовна, я ничего не знаю, но, судя по всему, вы просто старая, злобная уродина, которая ворочается ночью и скрежещет зубами от зависти, когда видит здоровых, радостных, свободных людей.

ОНА. Мы больше не подчиняемся вам. Мы подумали и решили, что больше не будем подчиняться никому. И никогда.

ОН. Жизнь такая короткая. Вы в курсе, что возраст жизни на земле – всего несколько секунд, если всё время существования вселенной сравнить с сутками? Несколько секунд. Две-три... Вы вдумайтесь. А человеческая жизнь – это вообще та вспышка, которую нельзя даже заметить.

АННА ЭДУАРДОВНА. Это галиматья. Они накурились. Напились... Или хуже. Они просто сошли с ума...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Им нужна просто хорошая порка.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я сейчас вам устрою.

ОНА. Поздно...

ОН. Что же они у тебя такие непонятливые?

АННА ЭДУАРДОВНА. Здесь нужен врач. Это же очевидно...

ОНА. Мама...

ОН. Врач... А это здравая мысль. Правильно, надо вызвать врача. Чего вы стоите? Ну тогда мы сами вызовем. Милая, не могла бы ты... *(Она выходит)*. О, что-то вы совсем заскучали. Хотите фокус?

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Нам ещё тут цирка не хватало!

АННА ЭДУАРДОВНА. Мы уходим. Сергей...

ОН. Неужели так торопитесь в мир иной? *(Достаёт пистолет)*.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Слушай, парень, шутка зашла слишком далеко. Откуда у тебя эта игрушка?

ОН. Видимо, из магазина игрушек.

ОНА. *(Выходя)*. Я позвонила. Они выехали.

АННА ЭДУАРДОВНА. Доченька, вызови милицию...

ОН. Тогда уже сразу и патологоанатомов. Всегда интересовался, что за люди идут в эту профессию.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Вы же не собираетесь нас убивать?

ОН. Сколько пафоса...

АННА ЭДУАРДОВНА. Сергей, я боюсь...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да что ты, перестань, это просто идиотская шутка. И она сейчас закончится.

ОН. С чего вы взяли? Что остановит меня?

ОНА. Его ничего не остановит. Он свободный... До ужаса.

ОН. Я вам помогу. Вы должны стать самими собой. Я хочу увидеть вас такими, какие вы есть. Раздевайтесь...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Простите?

ОН. Раздевайтесь.

АННА ЭДУАРДОВНА. Дочка, скажи ему...

ОНА. Мама, он хочет вам добра. Он же не виноват, что вы такие. Делайте, как он говорит, -- лучше будет.

ОН. Раздевайтесь.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не нервнируйте его, видите, он не в себе. *(Начинает раздеваться)*.

АННА ЭДУАРДОВНА. Вижу... Тряпка.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Бандиты! Насильники! Учтите, я это делаю под угрозой смерти. *(Раздеваются)*.

ОН. Опять лицемерие. Иногда вы это делаете без пистолета. Не родились же вы в этих тряпках, в самом деле?

АННА ЭДУАРДОВНА. Пришли на обед, называется, торт принесли, вино...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Я сегодня одела не то бельё. Ошиблась, плохое зрение...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Дочка, только посмотри, чтобы брюки не помялись.

ОН. Итак, вот вы и стали гораздо ближе к природе, чем раньше. Конечно, ощущение необычное, но поверьте – это счастье его испытать. Я серьёзно говорю... Но это даже не самое интересное. А теперь представьте, что вы – семья горилл.

АННА ЭДУАРДОВНА. Кого?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Это уже слишком!

ОН. Или вы будете играть в горилл, или я вас перестреляю. *(Ей)*. Принеси пластиковую бутылку.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Зачем это?

ОН. Через бутылку выстрелов не слышно.

АННА ЭДУАРДОВНА. Чёрт, как играть в этих горилл? У нас никогда таких игр не было. Хоть бы вспомнить какие они...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Волосатые...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Это, наверное, как-то так. Я по телевизору видел... *(Изображает гориллу)*. У! у!

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Видел он, юный натуралист. Чтоб вы подошли все...

ОН. Не верю.

ОНА. Бутылка...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, АННА ЭДУАРДОВНА и ИНГА ЭДУАРДОВНА. *(Изображают горилл)*. У! У! У!

ОН. Я недоволен. Вы формально подходите к делу. *(Они пытаются изображать активнее)*. Вы не любите свои образы. Представьте себе, склоны горы Килиманджаро, вы мирно живёте посреди бескрайнего леса, большие, добродушные, не знающие людей с их нелепыми заморочками... Вам хорошо, вы самые главные... Плохо.

АННА ЭДУАРДОВНА. Нам что, по стенам лазить?

ОН. Ещё одно слово, и я приду к выводу, что горилла бешеная. Я убиваю бешеных горилл. У вас должен быть свой язык. Вы же общаетесь. Ну, не стесняйтесь. Общайтесь... *(Гориллы общаются)*.

ОНА. И двигайтесь. Чего они расселись? Они должны двигаться...

ОН. Слышали, есть мнение, что вы должны двигаться. Так что быстро подняли задницы и начали перемещаться. *(Гориллы двигаются)*. Естественнее, живее. Итак, перед нами типичный трайб. Совсем немного таких колоний сохранилось на вулканических склонах Килиманджаро.

ОНА. А кто кому там приходится?

ОН. Закономерный вопрос. Раз мы имеем дело с трайбом гигантских горилл, то, вероятно, должны быть самец, самка и ребёнок.

ОНА. И кто из них кто?

ОН. Сейчас разберёмся. Так, гориллы, быстро организовали семью. Ну! Два раза повторять не буду. *(Гориллы организовывают)*. Ты посмотри, насколько приятней, естественней и красивей выглядит эта семья, чем некоторые человеческие. Сколько трогательности, заботы, искренности. Впрочем, бывают и конфликты. Например,

напроказившего детёныша горилла мать может и наказать... Может, может, но без фанатизма. А ещё гориллы очень любят играть. Любят, серьезно... (*Гориллы играют*).

ОНА. А ещё я видела, что гориллы ловят блох друг у друга. Очень трогательно.

ОН. Отношение к гигиене – прекрасный пример.

ОНА. Мне нравится. Ой, только я беспокоюсь за малыша. Он такой худенький, мне кажется, он голодный...

ОН. Это непорядок. Тогда мама горилла покормит его. А я говорю покормит! Что в этом такого? Мы всего лишь млекопитающие животные – и ничего в этом постыдного нет. Ну же! (*Горилла кормит*).

ОНА. Знаешь что...

ОН. Что?

ОНА. Я хочу быть мамой... Посмотри, быть мамой так чудесно, так красиво...

ОН. Нет проблем. Я сделаю тебя мамой...

ОНА. Покушал... Посмотри, маленький вроде повеселел. Что, дружок, сытый голодному не товарищ? Слушай, малыш поел, а взрослые? Они ведь к нам вроде на обед пришли?

ОН. Напекаешь, что мы не проявили гостеприимства?

ОНА. Как назло я ничего не приготовила. Всё этот сарафан, отвлек меня, и я забыла.

ОН. А торт?

ОНА. Конечно, у нас же есть торт. А гориллы едят торт?

ОН. Когда нет их любимых кустарников, думаю, что да. Но сейчас мы это проверим. Дай им... Не бойся... (*Она ставит перед ними торт. Воду*). Ешьте. И пейте. Да, да, берите лапами и ешьте. Смелее. Пальцами, вы же гориллы. Кто-то забыл об этом? Ну как торт, нравится? (*Гориллы кивают*).

ОНА. Хороший торт. Бисквитный... Кушайте, кушайте. Смотри, повымазывались все как дети.

ОН. Видишь, теперь они настоящие.

ОНА. Самые настоящие.

ОН. Ну теперь они поели и захотят спать. Точно, точно... Заткни им в уши ватой, пусть спят. Они не должны больше понимать наши разговоры. Только осторожно, гориллы иногда бывают агрессивны, хотя вообще они очень добродушные животные.

ОНА. Всё, они ничего не слышат. Ложитесь, ложитесь... (*Пауза*). Мои родичи – гориллы.

ОН. Это ещё не самый худший вариант. Другим людям, чтобы стать настоящими придётся превратиться в тараканов, или даже камень, или в мусорные баки... Посмотри на них, иногда действительно можно поверить, что от них произошли и мы. Когда подействует снотворное?

ОНА. Быстро. (*Пауза*).

ОН. Слышишь?

ОНА. Идут. Я открою, спрячь пистолет. (*Он прыскается из водяного пистолета*). Перестань...

ОН. Я люблю тебя.

ОНА. Я тоже тебя... (*Идёт, открывает двери. Входит ДОКТОР и санитары*). Вот эти люди, о которых я вам говорила. Посмотрите, по-моему с ними что-то не так...

ДОКТОР. Разберёмся. (*Горилл уносят, доктор уходит. Пауза*).

IV.

ОНА. Получилось! Получилось!

ОН. Нет, это ещё не всё. Невидимых нитей слишком много. Надо очень долго освобождаться.

ОНА. Как?

ОН. Жечь.

ОНА. Я готова.

ОН. Неси паспорта.

ОНА. Мы сожжём их?

ОН. Мы сожжём всё, что связывает нас. Если мы хотим лететь на другую планету, нам надо побороть притяжение этой. Теперь мы больше не являемся частью человечества. Мы добровольно и навсегда выходим из него.

ОНА. Навсегда?

ОН. Страшно?

ОНА. Страшно... *(Пауза)*. Столько лет жили...

ОН. Это было неправдой. А впрочем, решай сама.

ОНА. Я с тобой. Давай всё сожжём.

ОН. Ты уверена?

ОНА. У меня здесь такая нелепая фотография. Смотри... Какая-то пэтэушница. Волосы грязные, эта блузка... Терпеть не могу эту фотографию.

ОН. Бросай... *(Они жгут паспорта)*. Что у тебя ещё есть?

ОНА. Свидетельство о рождении, студенческий билет, проездной.

ОН. В огонь... Документы налогоплательщика... Больше они не понадобятся. Военный билет – к дьяволу.

ОНА. Медкарта?

ОН. Туда же. Ты же не собираешься жить вечно? Бросай всё. Это всё лишнее, ненужное. Это просто испачканная бумага. Бумага... Зачем она нам?

ОНА. Больше ни к чему.

ОН. Только не жалей. Ради бога, не смей жалеть.

ОНА. Не по себе.

ОН. Чудесное ощущение, да?

ОНА. Всё сгорело.

ОН. У нас нет больше имён. Нет адресов, прописки, регистрации, гражданства. Теперь мы те, кто мы есть. Теперь мы сами можем выбрать себе имена и придумать законы. Совсем забыл... Совсем забыл... Есть ещё одна вещь, очень важная. Мы не избавились от главного, что делает нас ненастоящими.

ОНА. Что это?

ОН. Ты любишь выпускать голубей?

ОНА. Никогда не выпускала... У тебя есть голуби?

ОН. У меня нет. Но их можно сделать. Из бумаги... Неси... *(Она достаёт деньги)*.

ОНА. Все?

ОН. Деньги нам больше не понадобятся.

ОНА. А как мы будем жить? *(Пауза)*.

ОН. Счастливо. Неси...

ОНА. Вот всё, что у нас есть...

ОН. Сколько мы копили?

ОНА. Четыре года.

ОН. Четыре года. Работы день и ночь. Смотри ты, здесь пейзажи нарисованы. Виды города... А ты знаешь, что у Авраама Линкольна были деревянные зубы. Ему ввинчивали в дёсны металлические пружины. Это было очень больно... А Франклин здесь похож на Мону Лизу. Так загадочно улыбается... Ты умеешь делать голубей?

ОНА. Только самолётики.

ОН. Я буду делать голубей. А ты самолётики.

ОНА. Их много...

ОН. Да. Накопили... Бросай их в огонь.

ОНА. Хорошо горят.

ОН. Смотри, голубь. Давай...

ОНА. У тебя красивые руки. Обычно у мужчин руки грубые, угловатые. А у тебя не такие...

ОН. Видишь, как надо делать.

ОНА. Их хочется целовать. Ты знаешь, мне кажется, что это женщины должны целовать руки мужчин. Чтобы эти руки были нежными... Чтобы они оберегали, обнимали, носили...

ОН. Вчера по «Дискавери» показывали горы и море. Море было почти белое, как молоко. На горах росли цветы, красные и фиолетовые. Я хочу в «Дискавери».

ОНА. Уже ночь.

ОН. Хочешь спать?

ОНА. Нет, просто ночью почему-то чувствуешь себя особенно одинокой. Даже когда кто-то рядом...

ОН. Я много думал про одиночество.

ОНА. А?

ОН. Я говорю, много думал про одиночество. Я понял, что общество, государство, ну всё вот это, люди придумали только из страха одиночества. Как бы, чтобы не остаться одному ночью в лесу. Потому что если ты знаешь, что тебя окружают соседи, коллеги, сограждане, христиане, члены профсоюза, люди с близкими политическими взглядам, которые смотрят те же программы, читают те же газеты, болеют за ту же команду, сидят в том же чате, тебе кажется, что ты уже не так одинок... Борьба с одиночеством – вот главная причина человеческого прогресса. Цивилизация – это иллюзия, что одиночество можно победить.

ОНА. А что, нельзя?

ОН. Не знаю. Может быть и можно.

ОНА. Когда любишь кого-то – легче...

ОН. Смешно...

ОНА. Что?

ОН. Смотри... Твоё тело. Оно как будто создано для того, чтобы мужчине было удобно обнимать его и ласкать. Видишь... Никаких зазоров. Тебя создали для меня.

ОНА. Да.

ОН. Ты о чём-нибудь мечтаешь?

ОНА. Я никогда не рассказываю об этом.

ОН. Никому?

ОНА. Даже себе. Когда мечту облакаешь в слова, она становится ненастоящей. Она рассыпается и уходит сквозь пальцы, как песок. Расскажешь, и даже если сбудется, то уже не то... Важно только затаённое...

ОН. Да, мечтать сообща как-то подло. Не получается... Зачем мечтать, когда у тебя всё в жизни устроено, и единственное, чего не хватает – это деньги и секс. Тогда это уже не мечты, а какие-то детские грехи. *(Пауза)*.

ОНА. В мире много хороших людей.

ОН. Да. И животных.

ОНА. Животных?

ОН. Да, много хороших животных. Например, ламы, ленивцы, кенгуру, кошки...

ОНА. Жалко, что вымерли динозавры.

ОН. Закрой глаза.

ОНА. Зачем?

ОН. Закрой, закрой... Видишь?

ОНА. Ничего не вижу. Темнота. *(Он берёт фонарик и светит ей в закрытые глаза)*. Что это?

ОН. Не открывай. Это большой взрыв. Рождение вселенной... Раскалённое вещество, которое разлетается во все стороны.

ОНА. Вижу...

ОН. *(Он берёт фотоаппарат и начинает её фотографировать)*. Проходят миллионы лет и появляются звёзды и галактики. Одна, другая, третья...

ОНА. Это что, совсем близко.

ОН. Млечный путь...

ОНА. Он кружится.

ОН. Видишь жёлтую звезду?

ОНА. Нет.

ОН. Ну присмотрись.

ОНА. Звезду вижу.

ОН. Это солнце, только миллионы лет назад. Оно ещё молодое. И ещё даже не называется солнцем. Так, безымянная маленькая звезда на задворках вселенной. А вокруг её безымянные планеты.

ОНА. Я вижу. А почему опять темно? Почему так темно?

ОН. Тсс...

ОНА. (*Шёпотом*). Что?

ОН. Они могут услышать.

ОНА. Кто они? Ой, это что, ветер? Какой тёплый... Откуда здесь ветер? И шум моря? Это же море!

ОН. Опустит руку.

ОНА. Вода! Море! Кто это плещется там?

ОН. Они...

ОНА. Они?

ОН. Да. Видишь их?

ОНА. Темновато.

ОН. А так?

ОНА. Вижу... Они такие громадные. Такие красивые... Такие замечательные... Ложись, слушай... (*Пауза. Она засыпает*).

ОН. Спи... Спи, моя любовь. Спи... (*Ложиться рядом с ней*). Время и пространство теперь нам не помеха... Мы – пятое измерение. Главное из всех...

V.

Звонок в дверь.

ОН. Просыпайся. Просыпайся, это к нам.

ОНА. А? Что?

ОН. Звонят.

ОНА. А динозавры уже того...

ОН. Динозавры. Какие динозавры? А... Ну да. Того... Метеоритом задавило.

ОНА. Сколько времени?

ОН. Пять утра.

ОНА. Кто это в такую рань?

ОН. Может, твои вернулись?

ГОЛОС. Откройте, милиция!

ОНА. Заявили...

ОН. Не паникуй. Просто открой дверь.

ОНА. Думаешь, стоит?

ОН. Иди. Страху больше нет. (*Она открывает двери. Входят ВОЕНКОМ и УЧАСТКОВЫЙ*).

ВОЕНКОМ. Военный комиссар районного военкомата. Да мы знакомы. Участковый милиционер, сержант Кривошеев. Рекомендую.

УЧАСТКОВЫЙ. У нас спецоперация.

ОН. И что?

ВОЕНКОМ. Докладываю: спецоперация «Уклонист». Цель – установление лиц, уклоняющих от призыва на службу в ряды вооружённых сил и доставка этих лиц на призывной пункт для призыва на... Ну это я уже сказал.

ОНА. Значит, к моей маме вы не имеете никакого отношения.

ВОЕНКОМ. Почему? К какой маме?

ОНА. Которая сейчас в психушке?

ВОЕНКОМ. Но-но! Уже мне ваши шутки вот где! Приколы ваши... Ничего святого не осталось... А всё отсутствие патриотического воспитания. Что родина, что мать – на всех наплевать.

УЧАСТКОВЫЙ. Стихи.

ВОЕНКОМ. Что?

УЧАСТКОВЫЙ. Ну, про мать... её.

ВОЕНКОМ. Итак, ты получил повестки. Не прикидывайся, я сам подписывал.

ОН. Да.

ВОЕНКОМ. Даже не отпираемся. Хорошо. И не явился.

ОН. Как видите.

ВОЕНКОМ. Почему?

ОН. Не захотел.

ВОЕНКОМ. Не захотел. Вот просто не захотел? Да? Не заболел, не работал, не ухаживал за больной тётёй... А просто не захотел. Старшина, ты это слышал?

УЧАСТКОВЫЙ. Так точно.

ВОЕНКОМ. И что скажешь...

УЧАСТКОВЫЙ. А чё говорить. Берём его и всё. А будет возникать – по шее.

ОНА. Чего вы припёрлись в такую рань? Тебе сделать кофе?

ОН. Да...

УЧАСТКОВЫЙ. Такая рань...

ВОЕНКОМ. Разговоры. Для государственных интересов не бывает рано или поздно. Потому что днём как ни придёшь – нету дома. То там, то сям, учится, работает, уехал в Африку в экспедицию... Но ничего, уклонист, ничего, в армии тебя научат портянки стирать, солдатский борщ готовить...

ОНА. Прости, я забыла – тебе большую кружку?

ОН. Да.

УЧАСТКОВЫЙ. И мне, если можно... Нам...

ВОЕНКОМ. Ты посмотри как живут, в каком свинарнике, вокруг бардак...

ОН. У нас здесь было стадо горилл.

ВОЕНКОМ. Шутник. Куда катиться молодёжь? *(Вздыхает)*. Ну чего стоишь?

ОН. А что?

ВОЕНКОМ. Вещи собирай.

ОН. Зачем?

ВОЕНКОМ. Всё, в армию, исполнять долг. А чего ты думаешь мы пришли? Обсудить погоду?

ОН. Нет...

ВОЕНКОМ. Что значит, нет?

ОН. Изменились кое-какие обстоятельства...

ОНА. Мы вышли из человечества.

ВОЕНКОМ. Что значит вышли? Кто выпустил?

ОН. Я знать вас больше не хочу. Всех вас. С вашими проблемами, законами, государствами.

УЧАСТКОВЫЙ. Ничего себе...

ВОЕНКОМ. Анархист? Мозги вправим быстро. Бери его за шкирки, пошли...

ОН. Я не хочу!

УЧАСТКОВЫЙ. *(Хватает его)*. Хватит!

ОНА. Нет! Отпусти его! Отпусти! Я вам глаза повыдираю за него! (*Дерутся*).

УЧАСТКОВЫЙ. Стерва!

ОН. Успокойтесь. Не надо... Я пойду с вами. Я пойду с вами, если без меня вам не обойтись. Позвольте мне собрать вещи.

ВОЕНКОМ. Вот это другой разговор. А то «не хочу»... Пятнадцать минут.

ОНА. Муж...

ОН. Сейчас приду... Кстати, у меня к вам один вопрос.

ВОЕНКОМ. Ну...

ОН. Когда вы в последний раз спали со свиньёй? (*Выходит*).

УЧАСТКОВЫЙ. Странная семья...

ВОЕНКОМ. Алкоголики. Или наркоманы. А скорее всего и те и другие.

ОНА. Ваш кофе...

ВОЕНКОМ. Вот это хорошо, хозяйка. Кофеёк с утрица, о чём ещё мечтать?

УЧАСТКОВЫЙ. Спасибо.

ВОЕНКОМ. Ты не бойся, мы его вернём в лучшем виде. Возмужавшим, крепким... Соскучится по тебе...

ОНА. Печенье? Нет? У нас ещё есть торт, но в плохом состоянии.

УЧАСТКОВЫЙ. Я возьму... Почему у вас гарью пахнет?

ОНА. А... Это. Мы сожгли паспорта. И деньги.

ВОЕНКОМ. Как?

ОНА. Они нам больше не нужны, и мы сожгли их.

ВОЕНКОМ. Сожгли?

ОНА. Они сделаны из бумаги и прекрасно горели. Я очень люблю наблюдать за огнём. Языки пламени никогда не повторяются, и похожи на негритянский танец. Негры... Представляете, блики света на их спинах...

УЧАСТКОВЫЙ. Не совсем.

ВОЕНКОМ. Какие негры?

ОНА. Ну у негров. Знаете, у них такие гладкие мускулистые спины и, когда они танцуют, свет как бы струится по ним...

ВОЕНКОМ. Что за фантазии?

ОНА. А у вас бывают фантазии, майор?

ВОЕНКОМ. У меня?

ОНА. У вас.

ВОЕНКОМ. Что это за хи-хи, сержант? Не имею таких привычек.

ОНА. Совсем?

ВОЕНКОМ. Ну мы же с вами взрослые люди. Слушайте, выпил кофе, а спать хочется ещё больше.

УЧАСТКОВЫЙ. Вторую ночь так... Не выспались.

ОНА. Мой муж очень любит смотреть «Дискавери».

ВОЕНКОМ. Что?

ОНА. Канал «Дискавери». И потом мы садимся вместе у окна и представляем людей разными зверюшками.

УЧАСТКОВЫЙ. Очень интересно. А нас вы тоже представляете?

ОНА. Вот я сижу и думаю.

ВОЕНКОМ. Глаза слипаются... Устал. Семь квартир обошёл...

УЧАСТКОВЫЙ. Я люблю котов. И хотел бы быть котом. Котом...

ОНА. Хорошо. А вы?

ВОЕНКОМ. А? Не, я котов не люблю. Я собак люблю... Ов-ча... Хр... (*Они засыпают. Выходит ОН*).

ОН. Спят?

ОНА. Хорошее снотворное. (*Вынимает у участкового пистолет*). Их надо убить, иначе они придут снова.

ОН. Подожди. Дай мне пистолет... Тяжелый.

ОНА. Сам убьёшь?

ОН. Свободу надо защищать... Помоги мне. *(Они раздевают ВОЕНКОМА и УЧАСТКОВОГО).*

ОНА. Что теперь?

ОН. Неси краски.

ОНА. Вот.

ОН. Сделаем их настоящими... *(Они делают из одного кота, а их другого собаку).*

ОНА. По-моему похоже...

ОН. По-моему, тоже. Позвони докторам, пусть приедут. А мы уезжаем. Здесь больше оставаться нельзя. Надо найти другой дом.

ОНА. Прямо сейчас?

ОН. Да. Не жалея, вещи не делают людей счастливыми.

ОНА. Я мигом. *(Убегает).*

ОН. Последний штрих. *(Красиво садит их и фотографирует).* Если для человека не существует денег, то их не существует вообще. Их создание или уничтожение – это вопрос веры. Это религиозный вопрос. Верю, что есть государство: значит, оно есть и управляет мной, даёт мне льготы, права, обязанности. Не верю – значит, это просто раскрашенные под котика и барсика мужики. *(Выходит ОНА).*

ОНА. Я готова. Моих не выпускают, оттуда. Психи они, говорят.

ОН. Мы не виноваты, что мир сошёл с ума. Идём... *(Они уходят. Входят врачи и забирают ВОЕНКОМА и УЧАСТКОВОГО).*

АКТ 2.

VI.

Заброшенное, пустое, местами разрушенное здание.

ОН. Класс.

ОНА. Мы здесь будем жить?

ОН. Тебе нравится?

ОНА. Да.

ОН. Значит здесь.

ОНА. А что здесь раньше было?

ОН. Может, церковь, может, замок, может, склад, может, завод. Это неважно. Люди покинули его, так что теперь он наш.

ОНА. Мы совсем как древние.

ОН. Время закольцовано. Разве ты не слышала об этом? Человек начинается из ничто и становится ничто. Мы просто первые завершили круг.

ОНА. Ты безумец.

ОН. Да.

ОНА. Жалко, что здесь нет телевизора. Ты не сможешь смотреть свой любимый «Дискавери».

ОН. Гляди... «Дискавери» у нас прямо под ногами.

ОНА. Кто это?

ОН. Ночная бабочка. Боишься?

ОНА. Боялась раньше. Теперь нет...

ОН. Потрогай. Живая.

ОНА. Мы не будем её убивать?

ОН. Можно убить.

ОНА. Нет... Дай мне её. Маленькая... Не пугайся... Конечно, мы тебя не убьём. Мы же не какие-то кровожадные садисты, и не эти безумные учёные, которые готовы распотрошить кого угодно... Лети.

ОН. Может быть, раньше здесь были фрески. Что бы ты нарисовала?

ОНА. С этой стороны будет солнечная страна. Много-много солнца, манговые деревья, море...

ОН. Курорт не выходя из дома. А если наступит сезон дождей?

ОНА. С этой стороны мы сделаем геометрическую проекцию.

ОН. Что-то школьное...

ОНА. Люди думают, что мир развивается по законам физик и химии, а на самом деле он управляется исключительно законами геометрии.

ОН. Правда? Я не знал.

ОНА. Я сама только недавно открыла. В том, что человек хороший или плохой виновата только геометрия.

ОН. Почему?

ОНА. Потому что он смотрит на мир не под тем углом. А на этой стене мы будем писать потайные мысли. То, что не можем сказать друг другу.

ОН. Потайные мысли.

ОНА. Я не могу тебя обманывать. Теперь не могу. А если скажу, то возненавижу свой голос.

ОН. Пиши.

ОНА. Хорошо. *(Пишет)*. Рука дергается...

ОН. *(Читает. Пауза)*. Когда?

ОНА. В прошлом году, осенью.

ОН. И сколько продолжалось?

ОНА. Месяц. *(Пауза)*. Полтора... С конца сентября по ноябрь. *(Пауза)*. Прости...

ОН. Я достану тебе краски. Чтобы ты нарисовала лето...

ОНА. Послушай...

ОН. И фломастеры... Вероятно, понадобится много фломастеров, чтобы исписать эту стену. *(Пауза)*.

ОНА. Хочешь подробности?

ОН. Да.

ОНА. Ты ведь сам пригласил Данилу у нас пожить, когда готовил свою выставку. Ты часто уходил, мы оставались одни. Он всё время жаловался – у него как всегда ничего не клеилось. Ныл, ныл... Даже жалко стало.

ОН. Приставал?

ОНА. Кто, Данила? Чёрт его разберёт. Ты же его знаешь: выпьет, -- начинает свои грязные шутки. Ты смеялся. Ну я тоже смеялась... А руками никогда. Смотрел только. Я не понимала. Прости, вру, конечно понимала. Но он всех девок глазами пожирал. Это же не преступление... Таблетки свои забыла.

ОН. Завтра достану...

ОНА. А потом ты уехал. На выставку... Мы остались одни: пили, курили... Смеялись. Мне захотелось мужчину. Тебя. Но тебя не было рядом.

ОН. Начинается дождь. Он помоеет стёкла, и завтра мы увидим что там, за окнами.

ОНА. Я не заметила, как влюбилась. До сих пор не понимаю, как всё произошло. Ну ведь глупо, да? Я так любила тебя. Мне казалось, что моё чувство безбрежно, как океан. И сама не заметила, как там вырос остров. Впереди безбрежный океан, сзади океан, а посередине маленький островок.

ОН. Прямо как по Дискавери...

ОНА. Да... *(Пауза)*. Мы даже решили убежать... Какая дура. Слава богу, я не сделала этого...

ОН. Ты бы вернулась.

ОНА. Конечно, вернулась бы. Я же не совсем идиотка... Может быть чуть-чуть глупая, но не идиотка. *(Пауза)*. Да ещё с Данилой. Боже, какая чушь... Потом ты вернулся, и об отъезде уже не было речи. Просто была какая-то подлая ситуация. Он всё ходил, ныл, ныл... Я тоже малодушничала. Данила ведь... Он в общем неплохой. Как-то его винить даже не получается.

ОН. Он так странно уехал. Помнишь, тот день? Весело проводили время, был Никита, режиссёр, жена его, забыл как зовут...

ОНА. Света.

ОН. Да, точно... С острыми такими глазками. Что это он тогда рассказывал.

ОНА. Данила?

ОН. Да нет, режиссёр. Что-то интересное. Вспомнил. О том, что он проснулся однажды посреди ночи и понял, как снимать «Гамлета». Рано или поздно такое озарение приходит к любому режиссёру. Помнишь, он сказал, что великие актёры уже сыграли его настолько гениально, что после них делать уже нечего. Поэтому кино надо снимать как бы его глазами. Вся пьеса глазами Гамлета. Он всё время присутствует, но мы его невидим. Мы – становимся им! Когда он это рассказывал, он был настоящим. *(Пауза)*.

ОНА. В тот день я сделала аборт.

ОН. Ты ездила на рынок.

ОНА. Я сделала аборт и поехала на рынок. Я даже помню, что я купила... В общем, это был даже не совсем аборт, -- всё произошло так быстро.

ОН. Данила был рядом?

ОНА. Да, помог с продуктами. Мне ведь тяжести нести нельзя было. И в больнице тоже. Он так испугался, бедняга. Он боялся, что из-за него у меня могут быть проблемы со здоровьем. Ты бы его видел... Он был серый как камень.

ОН. Мы так веселились в тот вечер. Данила так быстро напился и уехал. Прямо среди ночи... Сказал, что ему плохо.

ОНА. Это правда, ему было очень плохо. *(Пауза)*. Бедняге...

ОН. Всё?

ОНА. Всё.

ОН. Почему ты думаешь, что это не мог быть мой ребёнок?

ОНА. Мог. *(Пауза)*.

ОН. А... Ну хорошо... *(Пауза)*. Хорошо... *(Пауза)*.

ОНА. Теперь мы разойдёмся? Ты меня бросишь?

ОН. Не говори глупостей. Как ты себе это представляешь? Сейчас нас на земле только двое. Один я жить не смогу. Очень странно...

ОНА. Что?

ОН. Прошлого нет. И оно есть. Это какое-то противоречие. Думаю, это главная проблема человеческого бытия. Уживаться с прошлым... Со своим, и что ещё хуже, с прошлым других людей... *(Пауза)*. Ничего ведь не изменить. Понимаешь это, объясняешь себе это – а оно всё равно тут как тут. Почему у людей прошлое никогда не остаётся в прошлом?

ОНА. Не знаю... Для меня такие вопросы слишком сложные.

ОН. Дождь... Слышишь?

ОНА. Можно мне обнять тебя?

ОН. Можно...

VII.

ЧИНОВНИК. Простите, так это правда?

ОН. Что правда? Кто вы?

ЧИНОВНИК. То, что здесь живут... проживают люди. Меня зовут Яков Александрович, я заведующий ЖЕСа этого микрорайона. Когда мне сказали, что здесь, в этих, так сказать, развалинах появились огоньки. Хм...

ОНА. Проходите.

ЧИНОВНИК. Нет, спасибо. Я, знаете, на работе. Вы понимаете, я думал как обычно – бомжи. Но люди говорят – нет, живут люди молодые, приличные... Очень подозрительно. Вот я и решил проверить сам... Ну прежде чем принимать меры.

ОН. Приличные... Знаете, кто самые приличные люди в этой стране?

ЧИНОВНИК. Кто?

ОН. Проститутки... Я даже знал одну.

ОНА. Да?

ОН. (*Смотрит на стену*). Я про это потом напишу.

ОНА. Писать есть чем.

ЧИНОВНИК. Что писать?

ОН. Я говорю с женой, вы что не видите?

ЧИНОВНИК. Да, да, простите.

ОН. Она была моей одноклассницей. Её интересовали в жизни только две вещи: мужики и деньги. Причём вместе. Мужики, потому что они давали ей деньги. Деньги, потому что из-за них она встречалась с мужиками. Кажется, её звали Таней.

ОНА. Таней...

ОН. Да. Она никогда не смотрела новостей, не читала газет, не говорила о политике. Её не интересовали законы и правила. Её профессия существовала при любых законах. Единственное, что её интересовало – мужчины. Она говорила о них везде и всегда: кто богаче, кто беднее... У кого какое тело. Кто что умеет делать. В постели, естественно.

ЧИНОВНИК. Ага... Так вот, я пришёл, чтобы официально...

ОН. И при этом у неё были очень строгие принципы. Очень. Она считала приличным спать с мужчинами или за деньги, или по любви. Остальное – разврат. Только задумайся, сколько в этом смысла. Представляешь, многих своих подруг она искренне считала потаскухами!

ОНА. Ты с ней спал?

ОН. Да... Давно, ещё за тебя.

ОНА. За деньги?

ОН. Нет.

ОНА. По любви?

ОН. Да нет... Я был исключением из принципов. Мы переспали на спор. Она мне в чём-то проспорила и... Короче, это было одолжение. Она ко мне хорошо относилась и не хотела портить со мной отношения. А так мы остались друзьями...

ОНА. Она тебе нравилась?

ОН. Она была хорошим человеком. Настоящим человеком.

ЧИНОВНИК. Простите. Простите, что вмешиваюсь. Я собственно только сообщить, что вы здесь жить не можете.

ОН. Почему, если это наш дом?

ЧИНОВНИК. Это не может быть вашим домом.

ОН. Но это наш дом.

ЧИНОВНИК. Здание – муниципальная собственность.

ОН. Оно никому не нужно, вот мы и забрали его себе.

ЧИНОВНИК. Что значит «забрали себе»?

ОН. Значит, что теперь – это наш дом.

ЧИНОВНИК. Подождите, подождите... С кем я разговариваю?

ОН. Видимо, с нами.

ЧИНОВНИК. Как вас зовут, где прописаны?

ОН. У нас нет имён.

ОНА. А прописку мы сожгли. Хотите чаю?

ЧИНОВНИК. Как сожгли? Прописку сожгли? Подождите... Что вы меня путаете? Я же вас видел. Точно, точно... Девятнадцатый дом. Восьмой подъезд. У меня на такие вещи

память -- ого-го! Вы вдвоём всё за ручку ходили. За ручку... И у меня на приёме были, по какому-то вопросу. Сейчас, сейчас, не подсказывайте... Оформление квартиры. Да? На документы у меня прекрасная память. Так у вас же была своя квартира?

ОНА. Мы больше не живём там. Нам нравится здесь.

ЧИНОВНИК. Запрещено!

ОН. Ну ладно, ничего не поделаешь.

ЧИНОВНИК. Закон есть закон.

ОН. Понятно. Но у меня к вам один вопрос. Последний...

ЧИНОВНИК. Да, да...

ОН. Но учтите, от ответа будет зависеть то, как я к вам буду относиться.

ЧИНОВНИК. Спрашивайте. Если смогу, постараюсь... Мы с гражданами работаем открыто. *(Пауза)*.

ОН. Когда вы в последний раз спали со свиньёй?

ЧИНОВНИК. Э... Не понял.

ОН. Со свиньёй.

ЧИНОВНИК. С какой свиньёй?

ОН. Не хотите отвечать? Играем в молчанку? Не получится. Хотите вы этого, или нет, но вы ответите на этот вопрос.

ЧИНОВНИК. Что, что вы хотите этим сказать? Я должностное лицо при исполнении...

ОН. Ответ неверный.

ОНА. Напрасно вы его разозли. Теперь он захочет узнать какой вы настоящий.

ОН. Итак, Яков Сергеевич, когда вы в последний раз спали со свиньёй?

ЧИНОВНИК. Никогда я...

ОН. Ответ неверный.

ЧИНОВНИК. Н... не помню.

ОН. Обычно, когда человек не хочет отвечать на вопрос, помочь ему может острая боль. Как вы относитесь к крючьям?

ЧИНОВНИК. Вы... вы за это ответите! Вы за это... Вы...

ОН. Бу! *(ЧИНОВНИК вскрикивает и убегает)*. Крыса. По-настоящему он крыса.

ОНА. Может, не надо было его так пугать?

ОН. Очень жаль, если человек с высшим образованием не может ответить на простой вопрос. Ладно, забудь его. Его уже нет. Ты знаешь, я вдруг понял, что мир существует только в пределах нашей видимости...

ОНА. Я всё больше думаю о путешествиях... Но разве нас пустят за границу?

ОН. Пусть только попробуют не пустить. Их нелепые границы – это игра для политиков. Мы тут не причём.

ОНА. Человек должен путешествовать, чтобы потом возвращаться домой.

ОН. Куда едем?

ОНА. В Индию... Я очень хочу одеть сари...

ОН. Там наша кожа станет бронзовой.

ОНА. И там никто не знает нашего языка. А мы не будем знать их. Они не смогут расстроить нас своими ненастоящими мыслями. Только это так далеко...

ОН. Не так уж и далеко. Марко Поло ведь дошёл. А у него ведь даже карты не было. *(Пауза. Она начинает двигаться)*. Что ты делаешь?

ОНА. Танцую...

ОН. Без музыки?

ОНА. Это танец грусти. Его танцуют под тишину...

ОН. Тебе грустно?

ОНА. Немножко. Но ты не думай, это не плохо. Грусть тоже бывает светлая. Я сама не знаю, почему когда хорошо, слёзы сами текут из глаз.

ОН. Я вижу... Твоя грусть похожа на радость.

ОНА. Ты никогда не думал о будущем?

ОН. Зачем? Его ведь тоже ещё не существует. Когда оно придёт, мы узнаем. Узнаем первыми... *(Пауза)*. Если ты сойдёшь с ума, я сойду вместе с тобой.

ОНА. Глупый, мы уже сумасшедшие...

VIII.

ЧИНОВНИК врывается вместе с отрядом милиции.

ЧИНОВНИК. Это они!

ОНА. Что мне делать?

ОН. Ляг на землю! *(Достаёт пистолет)*. Это наш дом!

ЧИНОВНИК. Дом, где вы прописаны! И зарегистрированы!

ОН. Подавись своей пропиской... *(Начинает стрелять. Крики... ЧИНОВНИК и милиция выбегают)*.

ОНА. Ушли? Думаешь, вернуться?

ОН. Лежи...

ОНА. Теперь они нас не выпустят.

ОН. Мы в своём доме, нам нечего бояться.

ОНА. Я не боюсь. С тобой не боюсь. *(Гаснет свет. Он зажигает фонарик)*. Ты знаешь, у меня для тебя есть подарок. Я всё думала, когда удобней тебе его подарить. День рождения ещё далеко, а других праздников у нас нет. Я хочу подарить его сейчас.

ОН. Хорошо.

ОНА. Сейчас...

ОН. Осторожно, не подходи к окну.

ОНА. Ещё машины подъезжают. Люди... У них автоматы.

ОН. Не смотри на них, не обращай внимания.

ОНА. Нет. Подарок надо дарить красиво. Пусть играет музыка, горят свечи. Я расчесу свои волосы. Одну бусы...

ГОЛОС *(из мегафонов)*. Сдавайтесь! Вы окружены. Бросайте оружие и выходите по одному.

ОНА. Это нам?

ОН. Кому ещё...

ОНА. *(Достаёт свой подарок и вручает ему)*. Вот. Это тебе.

ОН. Где ты взяла?

ОНА. Украла.

ГОЛОС. Вы окружены! Сопротивление бесполезно. Выходите и никто не пострадает.

ОН. Спасибо... Ты замечательная. У меня ничего нет тебе подарить.

ОНА. Не надо...

ОН. Нам нельзя расставаться! Чтобы ни произошло – нельзя расставаться! Понимаешь?

ОНА. Да... *(В здание бросают дымовые шашки. Затем врываются спецназовцы.)*.

ОН. Понимаешь?!

ОНА. Да!

ОН. Беги!

ОНА. Что?

ОН. Бе-е-е-ги! *(Он бросается наперерез милиции. Начинается шквальный огонь. Она бежит... Всё погружается в дым и стрельбу)*.

АКТ 3.

IX.

ОН и ДОКТОР.

ДОКТОР. Вы нездоровы. *(Пауза)*. Согласно выводам судебно-психиатрической экспертизы вы нуждаетесь в лечении.

ОН. Я здоров.

ДОКТОР. Здесь написано другое.

ОН. Я здоров.

ДОКТОР. Рассмотрим вещи по существу: вы утверждаете, что у вас нет имени, что вы не являетесь гражданами какого-либо государства, и что ваш дом – это развалины. Для нас это несколько настораживающие симптомы. *(Пауза)*. Вы там жили один?

ОН. С женой.

ДОКТОР. Как зовут жену?

ОН. У неё нет имени.

ДОКТОР. Нет имени? Хм.

ОН. Где она?

ДОКТОР. Её не нашли. Ищут, но ещё не нашли.

ОН. Действительно, можно рехнуться. Вы говорите безумные вещи с таким видом, будто это последняя истина.

ДОКТОР. Это и есть истина, вот документы.

ОН. Что вы сейчас делаете: говорите одно, думаете другое, чувствуете третье. Перед вами лежит прессованная целлюлоза, которой вы верите. И сидит живой человек, которому вы не верите. Что же это, если не безумие?

ДОКТОР. Очень любопытная теория. Но я практик, друг мой. Моё дело лечить таких как вы.

ОН. Хорошо. Лечите. Честно говоря, меня продолжает интересовать только один вопрос, доктор: вы помните, когда вы всё-таки спали со свиньёй? *(Пауза)*.

ДОКТОР. Я так понимаю, разговор окончен.

ОН. Ну если вам нечего мне ответить.

ДОКТОР. До завтра. *(Собирается уходить)*.

ОН. Доктор... Когда они ворвались в мой дом и начали стрелять, они прострелили мне здесь и здесь. Видите? Я лежал и чувствовал, как под одеждой кровь заливает мне всё тело. Наверное, было очень больно – я не помню... Помню только это ощущение тёплой и липкой жидкости. Стекает по мне... А потом один из тех, в масках, склонился надо мной и сказал: «Что, парень, думал не доберёмся? От нас не уйдёшь.» А второй добавил: «Разве что на тот свет». Я подумал, неужели чтобы все вы оставили человека в покое, ему надо умереть.

ДОКТОР. Это любопытно, только...

ОН. И тогда тот, первый, сказал: «Тебя посадят надолго, в клетку». А я ему прошептал – нет. Нет! Я засунул палец в рану и начал рвать. Они стояли и смотрели. Они хотели увидеть, как я умру. Но я остановился.

ДОКТОР. Почему?

ОН. Потому что не смог.

ДОКТОР. Умереть?

ОН. Оставить её одну.

ДОКТОР. Надеюсь, вам у нас понравится. *(Уходит)*.

Х.

Входят пациенты клиники: АННА ЭДУАРДОВНА, ИНГА ЭДУАРДОВНА, СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, ВОЕНКОМ, УЧАСТКОВЫЙ и ЧИНОВНИК.

ВОЕНКОМ. Час на прогулку. Время пошло.

АННА ЭДУАРДОВНА. Мне кажется, он слишком громко орёт. Так и слух потерять недолго.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. А мне кажется – наоборот: распоряжения надо отдавать громко и властно.

АННА ЭДУАРДОВНА. Ты чего молчишь?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. А что?

АННА ЭДУАРДОВНА. Ничего. Что ты за мужчина, если никогда не знаешь, что сказать.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Надо отдать должное, и отец он неважный. Даже я, будучи весьма сообразительным гориллёнком, так и не поняла методику его воспитания.

АННА ЭДУАРДОВНА. Не было никакой методики.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Зато наш военначальник... Ах.

АННА ЭДУАРДОВНА. Говорят, привезли его собакой.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Значит, настоящий кобель.

УЧАСТКОВЫЙ. Господин верховный главнокомандующий отделения, позвольте доложить.

ВОЕНКОМ. Докладывайте.

УЧАСТКОВЫЙ. В отделение поступил новобранец.

ВОЕНКОМ. Пополнение. Так...

АННА ЭДУАРДОВНА. Слышали, новый пациент.

ЧИНОВНИК. Так его, значит, придётся заселять. А у нас же ограниченный фонд больничных мест в палатах В и С.

ВОЕНКОМ. Придётся изыскать резервы. А где он, собственно?

АННА ЭДУАРДОВНА. У меня предчувствие, странное предчувствие...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. И оно тебя не обмануло, сестра. Вот и он, новенький... *(Все видят ЕГО)*.

ВОЕНКОМ. Стоять, правопорядок соблюдаем! Старшина, организуй!

ОН. Вы все тут. Естественно...

АННА ЭДУАРДОВНА. Ой, что то сердце прихватило...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. О... а...

ВОЕНКОМ. Так... Ну вот и встретились, молодой человек.

ОН. Встретились.

ЧИНОВНИК. А вы разве не... у... у...

ОН. Нет.

ЧИНОВНИК. Понятно. А то я испугался. Мне казалось, вас... Я посижу немного. Что-то плохо себя чувствую.

ВОЕНКОМ. Старшина. Окажите помощь гражданскому.

УЧАСТКОВЫЙ. Воды?

ЧИНОВНИК. Если можно...

АННА ЭДУАРДОВНА. А я даже рада, что ты тоже к нам попал. Что мы все сюда попали. Ты знаешь, у нас же, оказывается, всё расстроено. Всё... Организм подорван. Слава богу, доктор всё нам объяснил. Здесь очень хороший доктор.

ЧИНОВНИК. Да...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я домой хочу.

АННА ЭДУАРДОВНА. Не зуди. Доктор уверен, что мы ещё не готовы. К жизни там... Ты принял таблетки?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да.

АННА ЭДУАРДОВНА. Покажи стаканчик.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Вот.

АННА ЭДУАРДОВНА. Рот.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ааа!

АННА ЭДУАРДОВНА. Смотри.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Если вы надеетесь, что я простила его, вот так, без извинений. Так нет! У меня ещё осталось чувство собственного достоинства.

АННА ЭДУАРДОВНА. Инга, ты же помнишь, что сказал доктор: ненависть разъедает нас изнутри. А у тебя больная печень.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. А у тебя...

АННА ЭДУАРДОВНА. Инсинуации! Вокруг одни инсинуации...

ВОЕНКОМ. Всё, хватит. Вспомним народную мудрость. Как говорится, кто старое помянет, тому глаз вон. Все живём в одном отделении. Все люди. Общество. И при моём руководстве вражды здесь не будет!

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Хм...

ВОЕНКОМ. Не будет! Пока я здесь. Итак, дорогой, проходи, не стесняйся... Как устроился?

ОН. Да, вы и вправду сумасшедшие.

ЧИНОВНИК. Абсолютно здоровых людей нет.

ВОЕНКОМ. Это факт.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. А у некоторых, больное даже...

АННА ЭДУАРДОВНА. Инсинуации... Нелепые инсинуации.

ЧИНОВНИК. Простите, вы, значит, койку под номером 17 заняли?

ОН. Тебе дело?

ВОЕНКОМ. А вот это нехорошо. Нашего Якова Александровича обижать не надо. Он для дела старается. Обязанности у него непростые, требуют исполнительности, аккуратности. Яков Александрович, обрисуйте диспозицию.

ЧИНОВНИК. По реестру койко-место номер 17 относится ко второй категории.

АННА ЭДУАРДОВНА. Ко второй?

ЧИНОВНИК. Вторая категория означает, что койка находится в отдалении от окна и обогревательных приборов, и не имеет элементов допкомфорта.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Допкомфорта?

ЧИНОВНИК. Близость к радиоточке и осветительным приборам, новый матрас, конфигурация личного ящика и т.д.

ВОЕНКОМ. Всё учтено. Яков Александрович – большой знаток своего дела.

ЧИНОВНИК. Я могу предложить место первой категории.

ВОЕНКОМ. Э нет. Торопиться не надо. Хорошее место – это элемент поощрения, его надо заслужить.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. А у меня место какой категории?

ОН. Вы что это серьёзно? Почему вы не можете просто лечиться?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Просто...

ВОЕНКОМ. Так, прогулка окончена, переходим к централизованно организованному досугу. Кто у нас сегодня? Старшина?

УЧАСТКОВЫЙ. По графику... По графику дежурств сегодня Сергей Михайлович.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я...

ВОЕНКОМ. Вы не готовы?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Нет, почему... Я готовился.

ВОЕНКОМ. Что?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Готовился... я... Можно мне несколько минут.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Тогда просим. (ЕМУ). Повезло тебе, ты – вторник.

ОН. Кто?

АННА ЭДУАРДОВНА. Раньше нас было шесть. И вторник был выходной. Для самостоятельного, а не централизованного досуга. Но теперь это будет твой день.

ЧИНОВНИК. Поздравляю...

ОН. Что значит «мой день»?

ВОЕНКОМ. Старшина, растолкуй.

УЧАСТКОВЫЙ. Организация досуга для личного состава пациентов отделения в период между окончанием прогулки и обедом. Согласно утверждённому положению досуг организуется с целью повышения культурного уровня и морального духа личного состава...

ВОЕНКОМ. Ну и так далее по тексту. Старшина, молодец. Запомни, парень, в этом мире главное точные формулировки. Все сели?

ЧИНОВНИК. Я сзади, с вашего позволения... (*Обращается к НЕМУ*). Простите, это и вправду вы?

ОН. Я.

ЧИНОВНИК. Ясно... (*Пауза*). А я видел, что вас убили. Тогда началась стрельба, бах, бах... Такой ужас. А я ведь только зашёл проверить, чтобы беспорядка не было. Только проверить... Работа такая. (*Тихо и торопливо*). Не убивайте меня, пожалуйста... Я всё сделаю, всё, что вы скажете, сделаю. Не убивайте. Они сказали, что всё будет тихо...

ОН. Отойти от меня.

ЧИНОВНИК. Я сделаю вам лучшие места. У вас всё лучшее будет... Вы главный будете. Главный, я расскажу как. Всё сделаю, не убивайте...

ОН. Крыса.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. А он стоит.

ВОЕНКОМ. Повторяю, -- в целях лучшего восприятия культурной программы всем сесть!

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Он не сядет. Как только я его сразу увидела, сразу было понятно -- он не сядет.

АННА ЭДУАРДОВНА. А может, разрешим один раз постоять... В виде исключения.

ВОЕНКОМ. В нашем деле исключений нет! Порядок предполагает порядок. Если все сидят, то и он сядет.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Мне уже можно начинать?

АННА ЭДУАРДОВНА. Да подожди ты, Сергей! Не видишь, мы ещё не готовы.

ВОЕНКОМ. Мы ждём...

ОН. Ждите. (*Пауза*).

ВОЕНКОМ. Неловкая ситуация. (*Пауза*). Ох, как неловко... Мы тут со всей душой, злого не поминаем, а ты...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Вот, вот! И тогда мы тоже пришли к нему со всей душой, а он нас гориллами сделал. Заставил голыми по стенкам лазить и вшей друг у друга искать...

АННА ЭДУАРДОВНА. Ты всегда была сплетницей. Даже в школе ты закладывала мальчиков только потому, что я им нравилась больше чем ты.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Какая неслыханная ложь!

АННА ЭДУАРДОВНА. Что, забыла Гришку?

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Какого ещё Гришку?

АННА ЭДУАРДОВНА. Гришку Семёнова из 8-го «Б»? Сначала он сидел рядом с тобой, а потом пересел ко мне.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Не было такого.

АННА ЭДУАРДОВНА. Забыла? Может, скажем доктору, чтобы проверил тебя на склероз?

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Стерва...

ВОЕНКОМ. Молчать! Видишь, к чему приводит неисполнение устава! К дестабилизации обстановки. Всем сидеть и наслаждаться культурой!

ОН. Нет...

ВОЕНКОМ. Садись.

ОН. Нет.

ВОЕНКОМ. Старшина.

УЧАСТКОВЫЙ. (*Садит силой*). Сказали тебе сидеть и наслаждаться, значит сиди и наслаждайся!

ОН. Отпустите меня!

УЧАСТКОВЫЙ. Сиди!

ОН. Отпусти!

УЧАСТКОВЫЙ. Куда...

ВОЕНКОМ. Я же говорил, у меня любой сядет. Начинайте, Сергей Михайлович.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ага... *(Аплодисменты)*. Я приготовил ку... куплеты.

ВОЕНКОМ. Громче. Не стесняйтесь.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Куплеты.

ВОЕНКОМ. Куплеты? Это что-то новенькое...

ОН. Отпустите меня...

ВОЕНКОМ. Старшина. *(Показывает, чтобы тот заткнул ему рот)*. Начинайте! *(СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ поёт куплеты)*.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Bravo!

АННА ЭДУАРДОВНА. Не очень остроумно, но небезнадёжно.

ВОЕНКОМ. Какие таланты...

УЧАСТКОВЫЙ. Что-то сказать хочет...

ОН. Отпустите меня, я буду сидеть. *(Пауза)*.

ВОЕНКОМ. Отпусти. Продолжайте, Сергей Михайлович, это интересно.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да? Можно? *(Поёт куплеты, к нему присоединяются АННА ЭДУАРДОВНА и ИНГА ЭДУАРДОВНА, затем ЧИНОВНИК, УЧАСТКОВЫЙ и ВОЕНКОМ. Они все с воодушевлением поют куплеты. ОН начинает тихо им подпевать)*...

XI.

ОН один. Входит УЧАСТКОВЫЙ.

УЧАСТКОВЫЙ. Здорово. Ну как тебе? *(Пауза)*. Уф, устал. В армии мы тоже хором пели, ничего, помогает, когда холодно. Тебе понравится. Потому что по-другому – скучно. Здесь на стенки начнёшь от скуки лезть. Не люблю по больницам валяться...

ОН. Давай сбежим.

УЧАСТКОВЫЙ. Что?

ОН. Не любишь, давай сбежим. *(Пауза)*.

УЧАСТКОВЫЙ. Э... Тебе хорошо. Ты сбежал – ищи-свищи, концы в воду. А меня со службы попрут: ни выслуги, ни пенсии... Не я не могу. Да и перед военкомом неудобно. Не принято у нас. Скажет, дезертировал, долг предал, товарищей.

ОН. Не побежишь?

УЧАСТКОВЫЙ. Нет. Ну и родственнички у тебя... Форменные уроды.

ОН. В этом мире полно уродов.

УЧАСТКОВЫЙ. Да подонков хватает. А в нашем районе – посмотри. И цыгане, и алкоголики, и скины... Неделю назад внучок-алкаш бабу табуреткой убил. А у неё пенсии – тридцать долларов. *(Достаёт фотокарточку)*. Это моя. Светка... Ноги от ушей растут, учится в РТК. Красивая, скажи? А твоя жена на мамашу похожа?

ОН. Нет, она ни на кого не похожа. Она сделана из моего ребра...

УЧАСТКОВЫЙ. Слушай, а ты ведь нормальный парень. Пошли в покер поиграем.

ОН. Я не играю.

УЧАСТКОВЫЙ. Пошли, пошли. Я научу. Нормальные пацаны должны держаться вместе. Расскажешь мне про творчество. Мне наши пацаны доложили как ты отстреливался. Просто Тарантино! Жаль меня там не было... Уважаю...

ОН. Ты иди, я сейчас подойду.

УЧАСТКОВЫЙ. У меня карты знаешь какие, -- с бабами. Давай, я тебя жду. *(УЧАСТКОВЫЙ уходит. ОН остаётся один)*.

XII.

ДОКТОР. Ну как вы себя чувствуете?

ОН. Спасибо, вы добились своего – я действительно заболел.

ДОКТОР. Вы осознали свой недуг?

ОН. Я осознал свой недуг. Я встаю по команде, делаю со всеми зарядку. Завтракаем. Идём на прогулку. Затем мы садимся полукругом, у нас начинается культурная программа.

ДОКТОР. Прекрасно.

ОН. Можно воды?

ДОКТОР. Пожалуйста, пожалуйста. Не стесняйтесь...

ОН. Потом мы обедаем, играем, смотрим телевизор. Естественно, только полезные и познавательные передачи. Ужинаем. И после вечернего моциона ложимся спать. День за днём.

ДОКТОР. Вполне здоровое времяпрепровождение. А вас что-то не устраивает?

ОН. Издеваетесь...

ДОКТОР. Что вы... Простая статистика: в первый день вы пытались сбежать трижды, разбили два окна и отказались от приёма пищи. Во второй день вы пытались перелезть через ограду, но съели ужин. Третий день прошёл почти без эксцессов, если, конечно, не считать вашу нелепую попытку захватить заложника. А последние два дня вообще можно считать образцовыми.

ОН. Чем вы меня колете?

ДОКТОР. Лекарства, витамины.

ОН. Хм, у людей всегда борются два желания: желание свободы и желание подчинения. Кто-то об этом писал, не помню... Так вот, при прочих равных условиях, человек всегда стремится...

ДОКТОР. К свободе?

ОН. К подчинению. Всегда. Власть и все её гримасы – это порождение рабства.

ДОКТОР. А не наоборот?

ОН. Нет, не наоборот. Завтра вторник.

ДОКТОР. И что?

ОН. Мой день. Время моего бенефиса. Я должен подготовить культурную программу в целях централизованной организации досуга.

ДОКТОР. Какие-нибудь идеи уже появились?

ОН. Куплеты. Они всегда идут на ура.

ДОКТОР. Вы знаете, а вы мне симпатичны. Вот.

ОН. Что это?

ДОКТОР. Берите, берите. Очень хорошая книга, сам пользуюсь иногда. Знаете, поводов много: то юбилей, то день рождения дочери. У меня же дочь...

ОН. «Весёлый праздник – справочник тамады».

ДОКТОР. Там вы найдёте всё, что вам нужно. Не надо ничего придумывать, просто следуйте инструкциям.

ОН. Следовать инструкциям – это ваш рецепт жизни.

ДОКТОР. Это рецепт любой жизни. Увидимся завтра. Я приду на ваше выступление...

ОН. Приходите... (ДОКТОР уходит. Пауза.) Следовать инструкциям... Хорошо. (Начинает читать книгу).

XIII.

Входит СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Добрый вечер. Я на минутку.

ОН. Как я от вас устал...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я понимаю...

ОН. Да?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я очень хорошо тебя понимаю. Серьёзно. Помню, учился в восьмом классе, да, в восьмом. И вдруг осознал, что больше не хочу так: вставать в семь утра каждый день, сидеть на уроках, слушать то, что мне не нравится, делать домашние задания, когда можно пойти поиграть в футбол... И в какой-то момент, я решил, что всё – хватит. Я перестал ходить в школу. Перестал делать то, что от меня требуют.

ОН. И что?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Это были три самых счастливых три дня в моей жизни. Я задыхался от свободы. Всем рассказывал, хвастался. Потом из школы позвонили домой, и всё закончилось.

ОН. Недолго.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Недолго. Свобода вообще явление временное.

ОН. Свобода – явление вечное. Если это настоящая свобода.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Слушай, расскажи мне как тебе это удалось...

ОН. Что?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ну ты понимаешь о чём. Тогда, когда ты заставил нас стать гориллами, я вдруг почувствовал что-то... И это было также чудесно, как тогда, когда я не пошёл в школу. Я хочу стать как ты.

ОН. Смешно....

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я не могу больше с ними. С этими фуриями. Они выпили все мои соки.

ОН. Ну так бросьте их.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не могу.

ОН. Невидимые нити. Понимаю.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Хочешь убежим вместе? Ты меня научишь, а мы убежим.

ОН. Ты действительно этого хочешь?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Конечно! Только говори, что сделать?

ОН. У тебя паспорт с собой?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да, вот.

ОН. Порви его.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Как?

ОН. Порви.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Сейчас? Так это... Как потом восстанавливать?

ОН. Сейчас. *(Пауза)*.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я не могу. Как я без паспорта? Вдруг понадобится, а у меня документов нет.

ОН. Действительно, глупая идея.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ну, так расскажи мне свой секрет.

ОН. Я лучше покажу. Завтра. Завтра ведь вторник. Вот после прогулки, Сергей Михайлович, вы всё и увидите...

XIV.

ВОЕНКОМ. Так, прогулка закончена.

АННА ЭДУАРДОВНА. Что же он орёт так...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Посмотри, я связал тебе шарфик.

ЧИНОВНИК. Простите, у меня есть предложение. Господин главнокомандующий...

ВОЕНКОМ. Да.

ЧИНОВНИК. Я подумал, это будет бесполезно. Дело в том, что вплоть до сегодняшнего дня мы садились совершенно хаотическим образом.

ВОЕНКОМ. Интересно.

ЧИНОВНИК. И это вносило определённый беспорядок в процесс рассаживания.

ВОЕНКОМ. Вносило.

ЧИНОВНИК. Так вот, можно упорядочить места путём применения очередности выступлений.

ВОЕНКОМ. Поподробней.

ЧИНОВНИК. То есть, условно говоря, за понедельником всегда следует вторник.

ВОЕНКОМ. Справедливо.

ЧИНОВНИК. А за вторником, соответственно...

ВОЕНКОМ. Что?

ЧИНОВНИК. Среда.

ВОЕНКОМ. Великолепно. Так и сделаем. Старшина, диспозиция ясна?

УЧАСТКОВЫЙ. Так точно... Все поделились по порядку организации досуга начиная с понедельника.

ВОЕНКОМ. Старшина!

УЧАСТКОВЫЙ. То есть с субботы. *(ВОЕНКОМ одобрительно кивает)*.

АННА ЭДУАРДОВНА. Что это за солдафонские замашки? Это что, больница или гарнизон?

ИНГА ЭДУАРДОВНА. С каких пор ты у нас стала анархисткой?

АННА ЭДУАРДОВНА. Никакая я не анархистка. А тебе лишь бы повесить печать.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Навесить ярлык.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Девушки, может, не надо ссориться.

ВОЕНКОМ. Подготовиться к рассадке! Ну вот, совсем другое дело. Садимся... Что у нас сегодня в программе?

УЧАСТКОВЫЙ. Так это...

ВОЕНКОМ. Можешь не говорить – пусть будет сюрприз. Очень люблю сюрпризы, праздничные. Всё-таки, что бы мы без тебя, Яков, делали! Сколько пользы... Ни за грош! Всё ради нас и ничего взамен. Как Христос почти. Учитесь. Ну почему не начинаем?

ОН. Сейчас...

ИНГА ЭДУАРДОВНА. У нас сегодня дебют...

АННА ЭДУАРДОВНА. Оставь свой сарказм мужу.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. У меня нет мужа.

АННА ЭДУАРДОВНА. Ах да, я же забыла... *(Входит ДОКТОР)*.

ДОКТОР. Ну как дела?

ВОЕНКОМ. Проходите. Докладываю: всё в порядке. Личный состав в состоянии готовности к удовлетворению культурных потребностей.

ДОКТОР. Могу я тоже?

ВОЕНКОМ. Что? А, ну да, конечно. Яков Александрович, определите место для доктора.

ЧИНОВНИК. Да, да, одну секунду.

ДОКТОР. Благодарю, не обращайтесь на меня внимание.

ЧИНОВНИК. Доктор, я хотел поговорить с вами. У меня появились ощущения...

ДОКТОР. Позже. Мы поговорим с вами позже.

ЧИНОВНИК. Хорошо...

АННА ЭДУАРДОВНА. Вечно он лезет со своими жалобами. Зануда...

ВОЕНКОМ. Начинаем! *(Пауза)*.

ОН. Я должен веселить вас. Что ж, давайте повеселимся. Маленькая прелюдия. Может быть, мои слова покажутся вам непонятными. Но я скажу... *(Пауза)*. Это неправильно, если человек верит в одно, а делает другое. Я всегда делал то, во что я верю. Сейчас я должен развлекать вас. Вот... Значит, мне надо в это поверить.

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Какой-то бред...

ВОЕНКОМ. Цыц!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Это как-то связано с религией?

ЧИНОВНИК. Я, мне кажется...

АННА ЭДУАРДОВНА. Ну что вы мешаете! Не интересно – уходите! У вас будут свои дни...

ОН. Смотрю на вас и... *(Пауза)*. Ладно. Бессмысленно. Итак, номер первый моей программы – фокус-покус. Сейчас вам будет весело, очень весело. Итак: раз *(пауза)*, два *(пауза)*, три *(пауза)*. Але-ап!

АННА ЭДУАРДОВНА. Bravo, bravo, bravo!

УЧАСТКОВЫЙ. Круто!

ВОЕНКОМ. Талант, а? Продолжай, продолжай.

ОН. А теперь иллюзионный трюк. Такого вы ещё не видели. Але ап!

ИНГА ЭДУАРДОВНА. Ничего...

АННА ЭДУАРДОВНА. Потрясающе! Сергей, ты посмотри, да он же волшебник.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да уж...

ОН. И, наконец, супер-трюк. Мне нужен нож, просто острый нож. Вот... Показываю один раз. Смотрите, я беру нож и... *(Пауза)*. Але ап!

ДОКТОР. Спасибо. Это было очень... мило. *(Все аплодируют. ОН кланяется. Пауза.)*

ОН. Всё строго по инструкции.

XV.

Ночь. Все спят. Не спит ОН. Входит ДОКТОР.

ДОКТОР. Не спиться?

ОН. Вам тоже.

ДОКТОР. Дежурство.

ОН. Посидите немного, я вам что-то покажу.

ДОКТОР. Что?

ОН. Спасибо за книгу. Помогла.

ДОКТОР. Вы очень талантливый человек. Схватываете на лету. Я этот финт с ножом до сих пор не освоил.

ОН. Практика.

ДОКТОР. Наверное... *(Пауза)*. Хм, забавно...

ОН. Что вас забавляет?

ДОКТОР. Да с этими фокусами. Неделю назад у дочери день рождения был. Праздник ей решил устроить. А она своему другу сказала: «Смотри, Толя, папа в детство впал. Он у меня психом работает».

ОН. Сколько ей?

ДОКТОР. Пятнадцать.

ОН. Красивая?

ДОКТОР. Кто?

ОН. Ваша дочка?

ДОКТОР. Ну... да. На меня похожа.

ОН. Опишите её.

ДОКТОР. Кого?

ОН. Опишите вашу дочь. У вас же нет её фотографии? Какая она?

ДОКТОР. Ну... Она среднего роста, худенькая...

ОН. Худенькая?

ДОКТОР. Ну да. Не то, что мы её не кормим. Конституция такая.

ОН. Худенькая...

ДОКТОР. Да...

ОН. Да вы не стесняйтесь, стройная девушка – что в этом плохого?

ДОКТОР. Ничего. Она очень стройная, грациозная. Хрупкая. Большие глаза, серые, как у меня, маленький носик, тонкие губы.

ОН. Тонкие?

ДОКТОР. Тонкие. Очень красиво улыбается.

ОН. Поклонников, наверное, много.

ДОКТОР. Много. Так и увивается за ней. Сопляки, мозгов нет, только одно на уме. Я же вижу, так и пожирают её глазами... Хм. Будь моя воля, всех бы их сюда, быстро бы их в чувство привели...

ОН. Да. Поразительно... А ведь и вы можете, если захотите...

ДОКТОР. Что?

ОН. Быть... *(Пауза)*. Зачем вы зашли?

ДОКТОР. Вы мне обещали что-то показать.

ОН. А, ну да... Конечно. Два часа уже есть?

ДОКТОР. Пятнадцать минут третьего. А время имеет значение?

ОН. Время относительно. Сидите молча и слушайте.

ДОКТОР. Что?

ОН. Заткнись и слушай! Вы забрали у меня всё, превратили меня в винтик вашего нелепого механизма, заставили жить в клетке. Я теперь неукоснительно следую инструкциям. Пусть так... А знаешь почему?

ДОКТОР. Потому что так для вас лучше.

ОН. Тсс... Смотри. *(Подходит к ВОЕНКОМУ и шепчет)*. Когда вы в последний раз спали со свиньёй?

ДОКТОР. Что вы...?

ОН. Замолкни. Слушай... *(ВОЕНКОМ начинает скулить и тявкать. Он подходит к АННЕ ЭДУАРДОВНЕ, ИНГЕ ЭДУАРДОВНЕ и СЕРГЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ)*. Когда вы в последний раз спали со свиньёй? *(Они начинают ёрзать и вести себя как гориллы. Затем он тоже самое проделывает с УЧАСТКОВЫМ и ЧИНОВНИКОМ, и они тоже становятся настоящими)*.

ДОКТОР. Что это? Что происходит?

ОН. Во сне солгать нельзя.

ДОКТОР. Это лунатизм.

ОН. Называйте как угодно. Вы знаете это выражение: «говорит правду»? Оно неправильное. Правду надо делать. Мы можем сколько угодно следовать инструкциям и централизованно развлекаться, но... Но каждую ночь, не смотря ни на что, люди становятся настоящими. И сейчас они делают правду.

ДОКТОР. Это лунатизм.

ОН. И когда вы поздно ночью, на грани сна и реальности вспоминаете свою дочь и делаете то, что вы делаете – вы делаете правду. И эта правда – прекрасна.

ДОКТОР. Мне надо идти...

ОН. Хотя утром вы находите только пятно от йогурта.

ДОКТОР. До завтра.

ОН. Подождите, сейчас они встанут.

ДОКТОР. Кто? *(Настоящие встают и продолжают во сне вести свою настоящую жизнь)*.

XVI.

Появляется ОНА.

ОНА. Я за тобой.

ОН. Сколько времени?

ОНА. Не знаю.

ОН. Я могу спать. То есть, я не уверен... Меня колют лекарствами, и от этого всё может быть. Бывает, я вспоминаю то, чего не было. Наши встречи, разговоры... Например, как ты хотела сделать татуировку на подбородке...

ОНА. Я никогда не хотела делать татуировку...

ОН. Так я знаю, но почему-то вспомнил. От тебя вкусно пахнет...

ОНА. Я настоящая, это не сон. Потрогай...

ОН. Хорошо... Я тебя во сне каждый день вижу, но почему-то мне это не нравится.

Плохое ощущение.

ОНА. Сейчас ты не спишь.

ОН. А почему у меня всё равно плохое ощущение?

ОНА. Не знаю, нам надо идти. Скоро прибегут люди и нам будет трудно убежать.

ОН. Чем ты занималась там... без меня?

ОНА. Я делала много плохого. Мне надо было жить на свободе, без тебя было трудно.

Совсем. Я растерялась...

ОН. Я тоже.

ОНА. А потом я простудилась, и мне пришлось ограбить аптеку. Я не хотела его убивать, но он выкрутил мне руку. Я кричала, что мне больно, а он всё равно выкручивал. И тогда я...

ОН. Тихо, тихо. Неважно.

ОНА. А лекарства я забыла. Растеряха. Оставила. Но ничего, поплакала немного и успокоилась. В Индии всегда тепло, там не простудишься...

ОН. В Индии? Я совсем забыл... В Индии. Хм...

ОНА. Ты что забыл?

ОН. Кажется.

ОНА. Как ты мог забыть?

ОН. Завтра среда. Значит, будут куплеты. Не забыть, что я теперь сижу на четвёртом стуле.

ОНА. Ты что...

ОН. Всё время забываю. Суббота, воскресенье, понедельник, вторник... Четвёртый стул, я ведь вторник, значит – четвёртый стул.

ОНА. Любимый...

ОН. Я больше не настоящий, Юля. Прости...

ОНА. Нет... Подожди, подожди... Этого просто не может быть.

ОН. Всё кончено. *(Пауза)*.

ОНА. Они тебя тогда убили?

ОН. Похоже, что так. Уже всё поздно... *(Длинная пауза)*.

ОНА. Вижу. *(Убивает его)*. Кто здесь главный? *(Видит ДОКТОРА)*. Вы? Очень приятно. Доктор, у вас умное лицо. Вы, наверное, прочитали уйму книг. А это ваши пациенты? *(Узнает их)*. Вы все здесь живёте? Да? Мама, папа, рада вас видеть. Папа, ты поправился. Тётя Инга, я давно хотела тебе сказать, что тебе эта причёска не идёт. Она делает тебя старше. И ещё, я уезжаю в Индию... Мы, наверное, больше не увидимся. Вру. Мы точно больше не увидимся. Не люблю прощаний. *(Собирается уходить, но останавливается)*. Всё-таки я расстроилась, что забыла эти лекарства. Да, забыла спросить: когда вы в последний раз спали со свиньёй?

Дальше начинается то, что должно было начаться, и продолжается до конца.

10 августа 2003 года.